

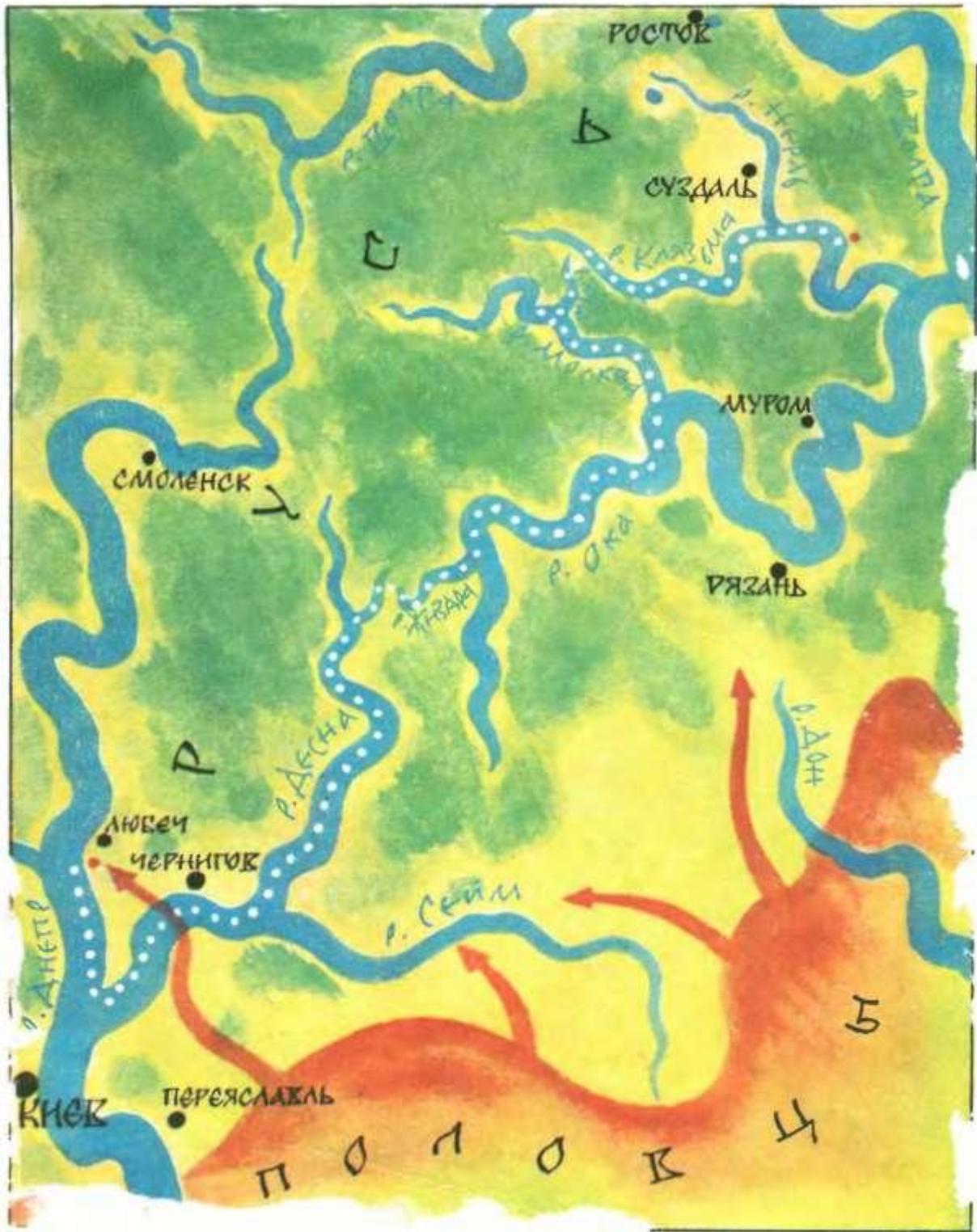
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

СЕРГЕЙ ГОЛИЦЫН

ЛАДЫН ПЫВУТ
НА СЕВЕР

Издательство
«Малыш» 1985

СЕРГЕЙ ГОЛНЦЫН

ЛАДЫ
ПЛЫВУТ
НА СЕВЕР

Художник В. Перцов

Издательство
«МАЛЫШ»
Москва • 1985

Б

I

Больше девятисот лет тому назад тревожно жилось на юге Руси. Кочевники-половцы нападали на мирные беззащитные селения, жгли их, убивали, жителей, уводили в плен...

Стоял жаркий летний день 1066 года. Старый, совсем седой дед — житель маленькой деревни, близ древнего города Любеча, пошёл на поле проверить — не поспела ли рожь. Внук дедов, двенадцатилетний Епифанко, с ним увязался. Поднялись они на гору над Днепром...

— Дед, дед! Смотри! Смотри! — вдруг закричал Епифанко.

Он показал туда, где вдали виднелось соседнее селение. Оно горело. Чёрный дым поднимался к облакам.

— Опять половцы проклятые напали! — вскричал дед. — Беги, беги скорее!

И Епифанко помчался. Он бежал быстро, босые ноги его так и мелькали. Дед, запыхавшись, торопился за ним.

Их деревня стояла в низине, на берегу Днепра, никто из жителей и не думал, что враг так близко.

Епифанко бежал по улице, кричал:

— Половцы! Половцы!

Мужиков в деревне тогда было совсем мало. Все, кто мог оружие держать, отправились в степи войной на половцев, да, видно, где-то разминулись с врагом.

Женщины, дети, старики выскакивали из своих жилищ, наспех захватывали, что под руку попадалось, бежали к оврагу, там, в колючем кустарнике, прятались.

А уже половцы на своих резвых конях, сами в остроконечных шапках, с поднятыми кривыми саблями в руках, с гиканьем, с криками доскакали до деревни. Над первой, над второй, над третьей избушкой взвились языки пламени, чёрные клубы дыма. И уже вся деревня полыхала, клочья горящей соломы срывались с крыш, летели по ветру.

Прошлым летом половцы наскочили ночью, неожиданно и скоро, кого в плен захватили, кого порубили... Дедова сына, отца Епифанки, убили. Спаслось тогда не больше половины жителей деревни.

На этот раз уцелели все до единого. С тоской и с гневом издали смотрели люди, как пылали их жилища, как угоняли враги их овец, коров и коней.

А половцы уже скакали дальше, всюду оставляли пожарища, сеяли смерть...

Возвратились погорельцы на свои пепелища, принялись рыться в золе, в обгорелых брёвнах, но даже от глиняной посуды находили одни черепки. Епифанко отыскал в кустах терновника топор без топорща. Старый дед погладил мальчика по голове и похвалил его.

2

Собрались жители деревни на сход, сели в кружок, стали думать: как им дальше быть? Епифанко уселся в сторонке, слушал — что говорят.

Старый дед выступил вперёд, поклонился народу низко, начал держать речь:

— Слыхал я, что раскинулись к северу от нашего края леса необъятные. А ещё дальше идут земли глухие, безлюдные. Залесскими прозываются. Кто поселился там, живёт тихо и мирно. Жаль, конечно, покидать родимую Любечскую землю, а приходится. Поплывём на новые места, сперва вниз по Днепру, свернём налево на Десну-реку, поплывём вверх по Десне, а там выберем удобное место, построим деревню...

И решили на сходе: как поспеет рожь, как сожнут её женщины серпами и свяжут в снопы, как мужики обмолят снопы цепами, ссыплют зерно в мешки — так будут переселяться.

3

Три ладьи сберегались в кустах на берегу Днепра. Дед с Епифанкой взяли их проверять — не текут ли. Щели между досками, не торопясь, законопатели паклей, пропитали расплавленной смолой. На средней лавке каждой ладьи поставили по шесту-мачте.

Погорельцы погрузили в ладьи свою поклажу. Самыми ценными были уцелевшие при пожаре железные предметы — топоры, ножи, два острых наконечника на рогатины, чтобы на медведя ходить, наконечники стрел, рыболовные крючки, один котёл и один сошник, чтоб на соху насаживать и землю пахать.

— Берегите сошник, он нас кормить будет, — сказал дед.

И ещё погрузили единственную спасённую корову, она потому спаслась, что захромала и в стадо не ходила. Ноги ей связали, на бок повалили, чтоб не билась.

— Берегите Бурёнку пуше глаза, — сказал дед, — она тоже нас кормить будет.

Отчалили. Поставили холщовые паруса на мачты, направили ладьи на середину Днепра. Ветерок попутный надул паруса. И побежали, побежали ладьи, разрезая носом волны.

Прощай, земля родная! С печалью все смотрели, как удалялись милые сердцу берега.

К вечеру домчал ветер ладьи до устья Десны-реки. Пристали к берегу. Епифанко и другие мальчишки побежали в лес за хворостом. На рогульках и перекладине повесили над костром котёл — кашу варить из полбы да репы с луком.

У Епифанки удочка с хитрым крючком была припасена. Спустился он к берегу, наживил крючок червяком, закинул удочку. И тотчас же попалась ему маленькая серебряная рыбка уклейка. Он её на крючок наживил и закинул в воду. Дыхнуть не успел, как удилище сильно дёрнулось, дугой перегнулось, а леска струной натянулась. Видно, большая рыбина схватила. Епифанко в одну сторону потянул, а рыбина — в другую. Не скоро она притомилась, ослабла... И вытащил Епифанко судака большущего, тёмнополосого, зубастого, понёс к костру, а тот в его руках трепыхался, хвостом бил.

— Вот молодец! — закричали все.

Мамка рыбину вычистила, разрежала на куски и в котёл бросила. Сварилась не то каша, не то уха, вкусная, жирная. Все наелись досыта. Епифанку хвалили.

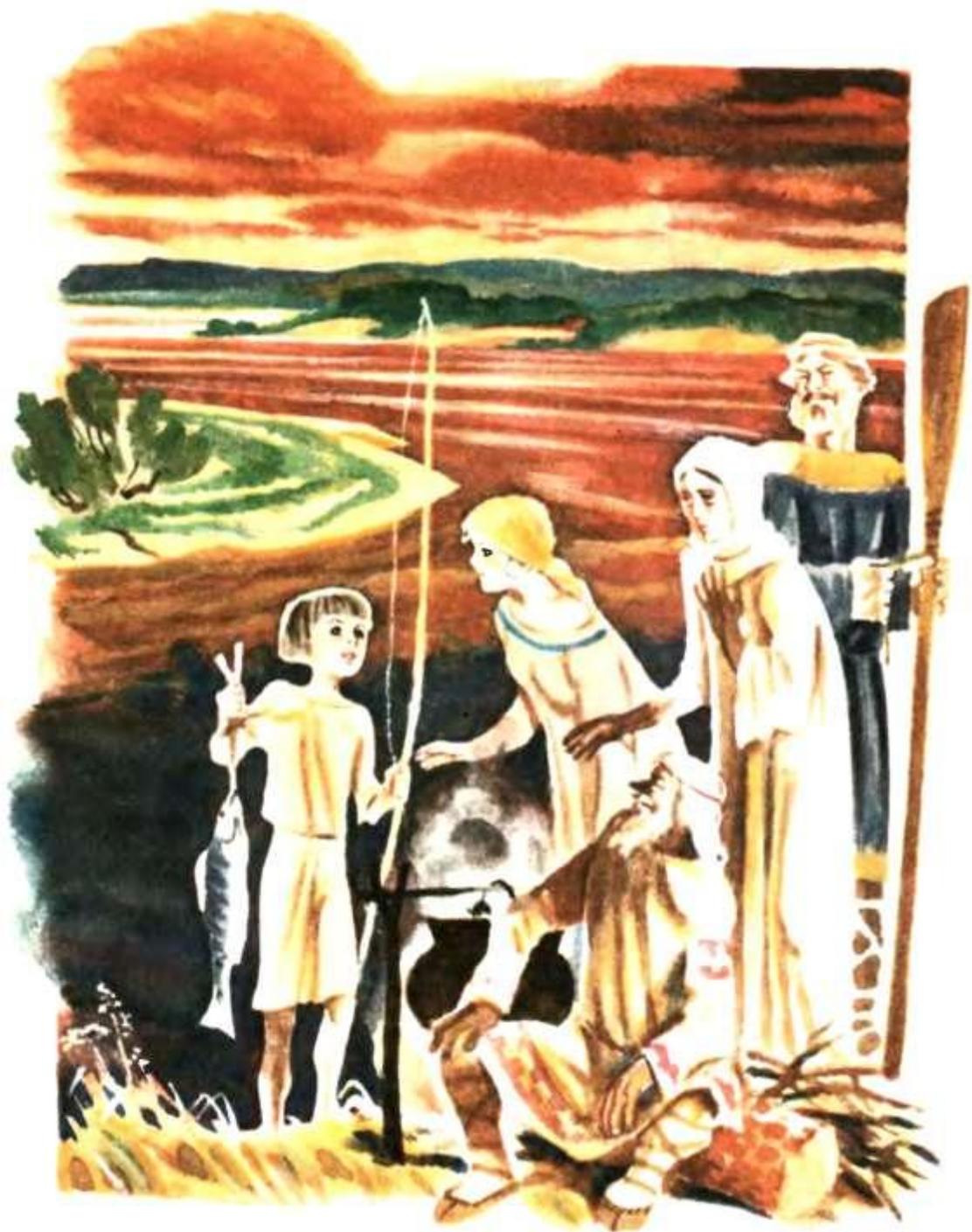
На другой день поплыли дальше, теперь вверх по Десне-реке. Против течения трудно было грести. Шесть мужиков шестью вёслами управлялись, седьмой — малым рулевым веслом ладью направлял. Шли медленно-медленно. Устали гребцы, хотели к берегу приставать.

А дед сказал:

— Рано ещё. Доберёмся вон до того поворота.

Один юноша совсем притомился. Епифанко перебрался к нему, взял из его рук весло и начал грести.

«Раз!» — все шесть вёсел дружно поднимались. «Два!» — окунались в воду. «Три!» — подгребал Епифанко веслом изо всех сил. Ещё гребок, ещё гребок. Наконец дед направил переднюю ладью к берегу. Причалили. Начали устраиваться на ночлег...

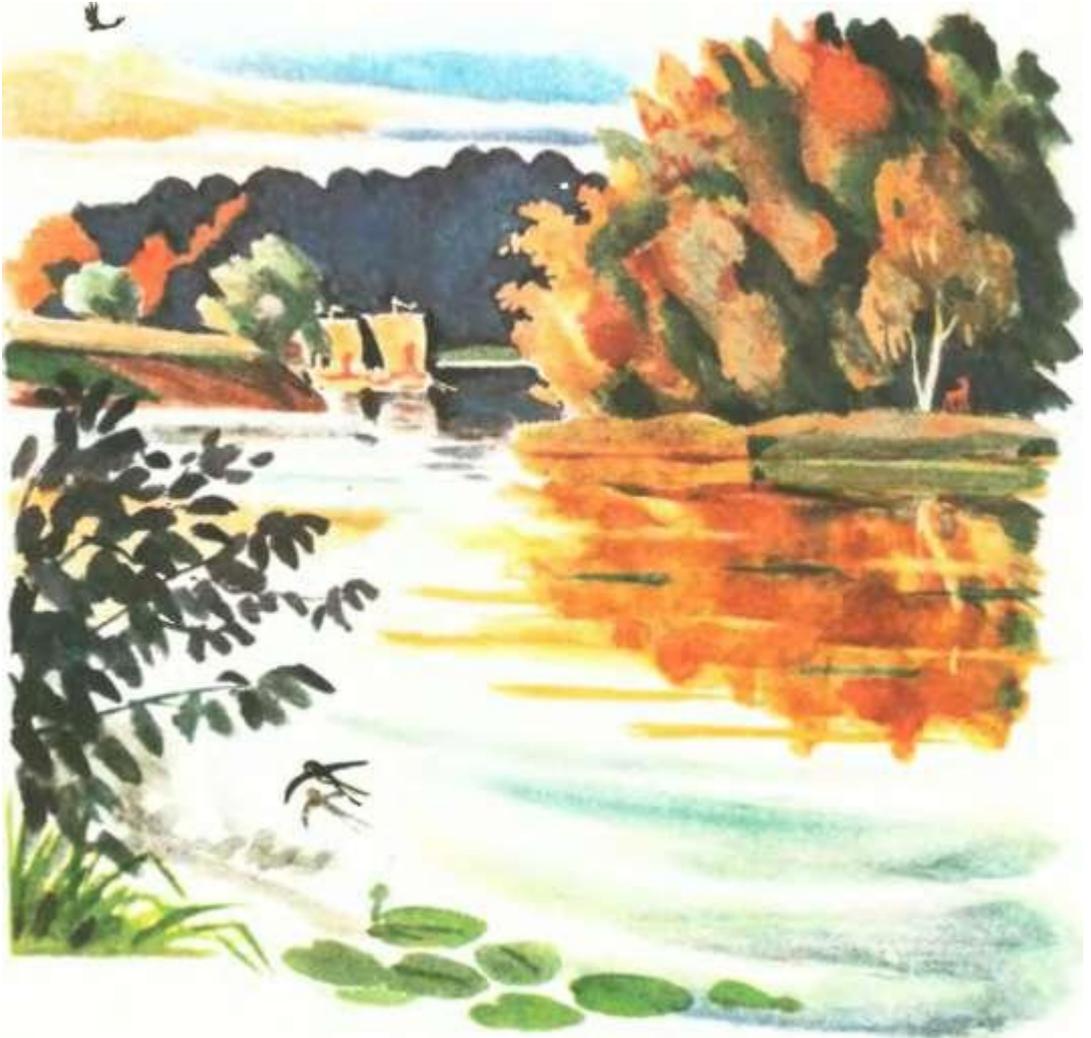

— Смотрите, смотрите! — закричал Епифанко.

Он первый углядел, как выплывали из-за крутого дальнего поворота реки одна за другою три длинные, расписанные разноцветными красками ладьи с белыми парусами. На каждой ладье по десять гребцов-младцов сидело, десятью вёслами размахивало. Посреди последней ладьи алый шатёр высился с флажком наверху.

— То ладьи княжеские, — сказал дед. — И, верно, путь держат неблизкий.

А на ладьях, видно, заметили на берегу дымок костра и лю-

дей, повернули прямо к ним. Ближе, ближе... Нос каждой ладьи был особо изукрашен. На первой ладье поднималась вырезанная из дерева голова лебеда, на второй ладье — голова змея, а на последней — голова неведомого зверя.

— Дед, а дед? Кто это такой зубастый? — спросил Епифанко.

— То чудище заморское и страшное, из его пасти огонь пышет, — отвечал дед. — Оно людей пожирает, а зовут его как — не знаю.

Ладьи к берегу причалили. Гребцы и воины на траву выпрыгнули, за ними два важных боярина по сходням ступили. И вдруг мальчик в голубой рубашечке, в пёстрых сапожках из шатра, что на ладье с чудищем, выскочил, на берег выпрыгнул, и ну — ска-

кать! Был мальчик светловолосый, кудрявый, голубоглазый, а ростом чуть повыше Епифанки. Переселенцы на него засмотрелись.

— То, верно, княжеский сынок, — шепнул дед.

А княжич увидел Епифанку, к нему подбежал, за рукав его дёрнул и спросил:

— Откуда вы и куда плывёте?

Епифанко брови нахмурил, потемнел лицом и объяснил княжичу, что отца его половцы убили, покинули они родимую Любечскую деревню и отправились в дальние края Залесские, а где те края — не знают.

Княжич тоже брови нахмурил, потускнели его глаза, и он сказал:

— Вырасту, буду в Переяславле княжить и поведу свою дружину верную в степи, где половцы кочуют. Не дозволю им русскую землю топтать!

Помолчал княжич минуту и снова продолжал:

— Теперь вместе поплывём. — Он указал на высокого рыжего мужика. — Наш проводник дорогу в Залесскую землю, на Клязьму-реку, знает. Дважды этот путь проходил. А мой отец — переяславский князь Всеволод Ярославич. Слышал небось, как он половцев побеждал? Он владеет теми дальними землями Залесскими, а меня послал, чтобы знать — кто там живёт. Зовут меня Владимиром, а тебя как?

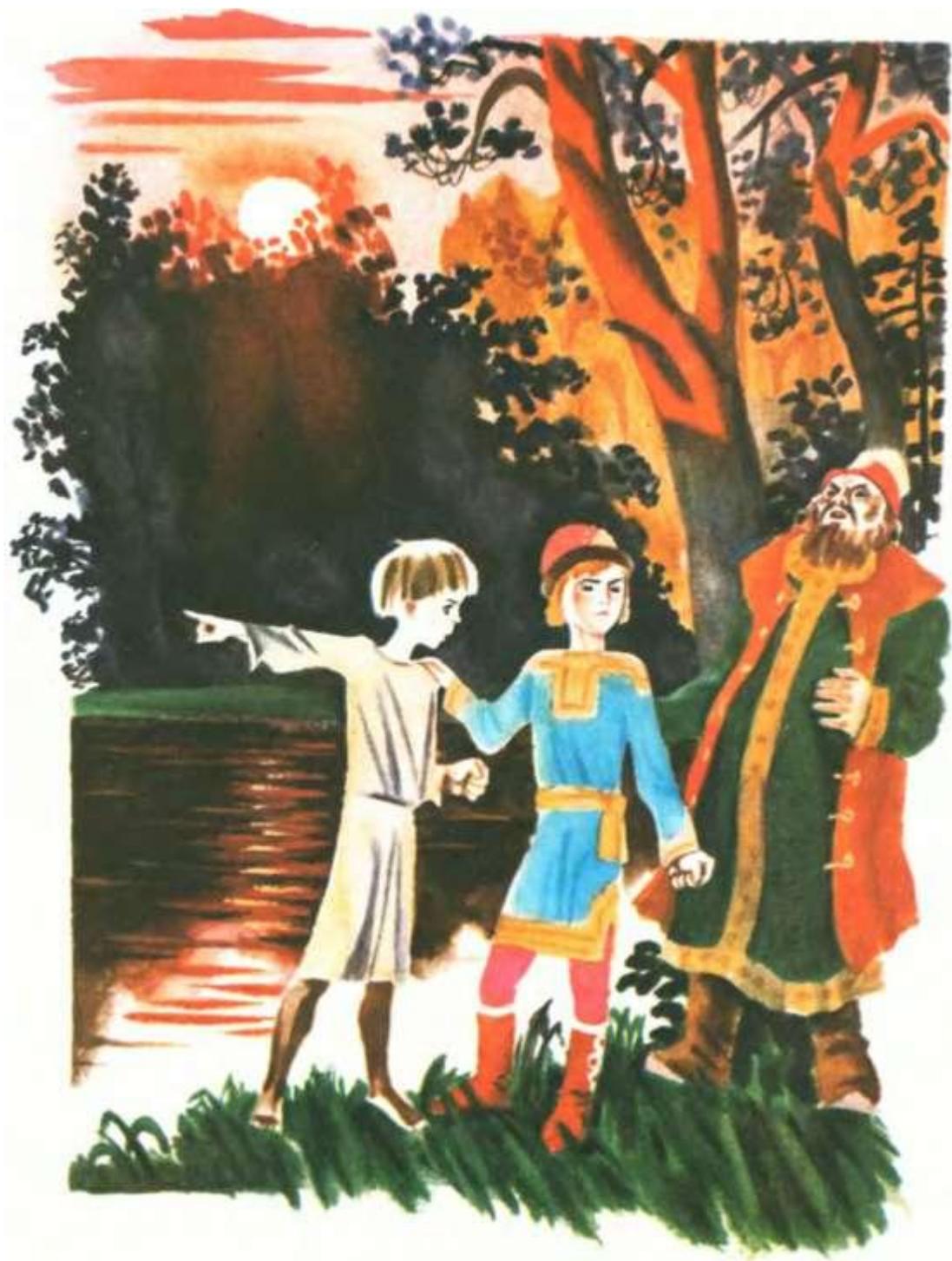
— Епифанкой.

— Мы мимо стольного града Киева проплывали, — продолжал Владимир. — Вот где загляденье! По горам стены с башнями, Золотые ворота, храмы каменные и деревянные поднимаются, на них главы, словно серебряные. А терема какие узорчатые! А сколько избышек! Там мой дядя великий князь киевский Изяслав Ярославич живёт. Он меня на пир позвал, угощал мёдом сладким и жареной фазаньей печёнкой. Вот объеденье! — Владимир помолчал немного и вновь заговорил: — Мне с боярами одному скучно. Весь день они спят. Переходи в мой шатёр, будем друг другу сказки сказывать да вместе играть.

Слышал те слова княжича старый его дядька, что приставлен был к нему слугою, и сказал:

— Негоже, княжич, крестьянскому сыну с тобой в одном шатре быть. Путь нам неблизкий. Пойдём вместе. У костров на ночлегах успеете наиграться.

Надул губы Владимир, но смолчал. Отец, провожая его, строго наказывал — слушаться дядьку.

5

И пошли вереницей по Десне-реке шесть ладей: впереди три княжеские, расписные, за ними три крестьянские, тёмные. Миновали, не останавливаясь, славный град Чернигов, шли мимо селений, ночлеги выбирали на островах, где медведей и волков не было, наконец, свернули в малый приток Десны-реки. Шли медленно и трудно. Тяжко доставалось гребцам. Когда кто уставал, того Епифанко сменял, изо всех сил старался грести.

Случалось, переселенцы обгоняли ладьи таких же горемык, как они, а иной раз их обгоняли ладьи. Плыло много русичей — искать новые места для жизни, где ни о каких врагах не слышать.

А леса по обоим берегам тянулись дремучие: ни селений, ни полей, ни лугов не попадалось. Вековые деревья росли, а под ними лежали гнилые стволы, ветром поваленные. Видели путники, как подходили к берегу зубры, лоси и косули воду пить, а медведи — лапой рыбу ловить.

На стоянках Епифанко рыбу удил. А княжич Владимир был метким стрелком. Каждый вечер он из лука то утку подстреливал, то гуся, а однажды убил лебедя белого. Жалко стало Епифанке лебедя, вынул он из лебединой груди стрелу, но не посмел укорить княжича.

А тому на стоянках всё хотелось либо охотиться, либо с Епифанкой в догонялки играть. А дед Епифанкин посылал внука за хворостом в лес: надо было поддерживать огонь костров.

Речка, по какой плыли, вовсе сузилась, измельчала. Пришлось вёсла на дно ладей положить. Все вылезли, бечевы к носам ладей привязали и потянули, а сами по берегу зашагали. Случалось, по болоту топкому да трясучему шли.

В шатре оставались только оба боярина и Владимир. Хотелось ему на берег выскочить, вместе со всеми ладьи тянуть, да дядька не дозволил:

Негоже княжичу руки трудить, — сказал он. — Тебе положено либо на коне скакать, либо в ладье сидеть.

А речка стала совсем малым ручейком. Тянули ладьи, а они днищами о песок скребли. Остановились.

Проводник сказал:

— Тут волок начинается.

А Епифанко не знал, что такое волок. Увидел он, что наискось, по отлогой горе словно дорога пошла, толстыми брёвнами поперёк устланная. А поверху той дороги, в самом начале, три бревна-катка лежали.

Придётся вам из ладей вылезать, — сказал проводник.

Княжич Владимир обрадовался, выпрыгнул на бережок, на одной ножке поскакал. А оба боярина нахмурились, губы скривили, однако вылезли из своего шатра и на землю осторожно ступили.

Вытащили из ручья первую ладью, подняли её и на два катка поставили, третий каток впереди положили. По десять человек к каждому борту пристроилось, плечами начали толкать, с двух катков на третий проволакивать — перекатывать. И опять с двух катков на третий... Оттого такая дорога волоком и называлась.

А за первой ладьёй поволокли по каткам вторую, за нею — третью. Старались воины, гребцы и крестьяне-переселенцы, старались женщины, мальчишки, девчонки, даже княжичу Владимиру дядька дозволил у носа, возле чудиша, пристроиться.

А жара стояла, у всех пот со лбов струйками стекал. И комары тучами летали, жалили нестерпимо.

Оба боярина шагали, ветками от комаров отмахивались.

— Кто эту дорогу построил? — спросил Владимир проводника.

— То повелел дед твой, великий князь Ярослав Владимирович, не зря его Мудрым прозвали, — отвечал проводник.

Через две версты, не более, кончился волок, спустилась бревенчатая дорога к малому ручью, что в другую сторону тѣк.

Недолго путники отдохнули и вернулись волочить ладьи переселенцев. Ну, те полегче были. А бояре в шатѣр залезли — спать. Очень уж они на жаре притомились...

6

Места пошли совсем иные, тот малый ручей впадал в узкую и быструю речку. Кончились леса дремучие, на одном, низком берегу, зеленели рощи дубовые и вязовые, раскинулись луга, пышная трава по пояс поднималась. А на другом, высоком берегу, хоть и редко, а попадались селения в три-четыре избушки.

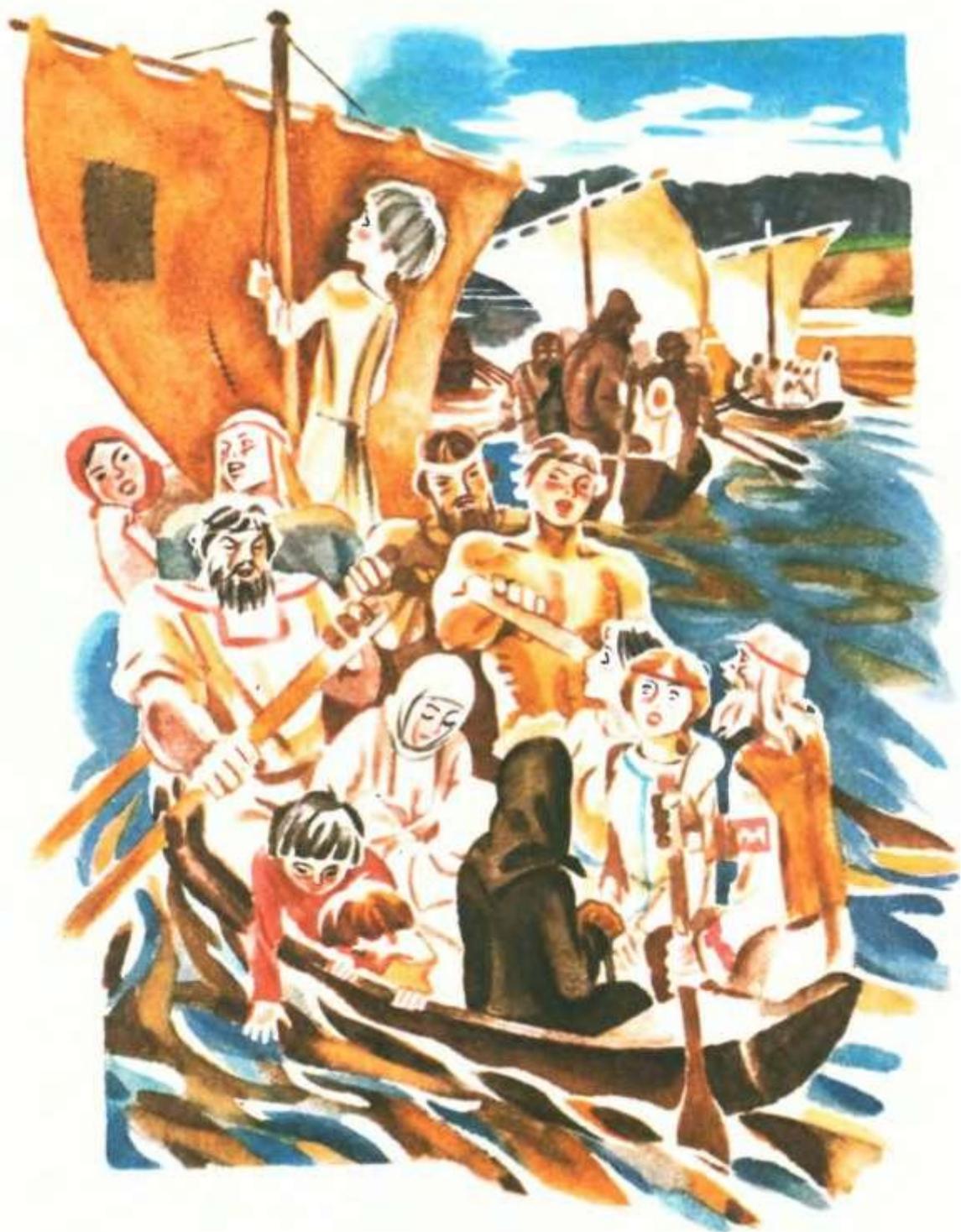
— То шли мы по земле Черниговской, а теперь идѣм самым краем земли Смоленской, — пояснял проводник.

Вошли ладьи в реку, светлую и широкую, хоть и поуже Днепра она была. Вниз по течению веселее стало идти. Паруса подняли и быстрее ласточек полетели.

И запели гребцы песню протяжную; звонкие голоса их по прибрежным лесам рассыпались. И хоть не знал Епифанко слов, а своим тонким голоском тоже подтягивал.

— То Ока-река славная, — говорил проводник, — далеко она течѣт навстречу солнцу.

На четвёртый день повернули налево в другую реку, тоже широкую. Смолкли гребцы, не до песен им стало, опять пришлось взяться за вѣсла, идти против течения. На низком берегу

зеленели рощи и луга, а на высоком — нет-нет селенья попадались.

— Это Москва-река, — говорил проводник.

Всё-то он знал — где какая река, куда путь держать...

Долго шли на вёслах. Дожди мочили, а солнышко сушило, на стоянках только дым спасал от комаров.

— А теперь пошли земли Залесские, твой родитель князь Всеволод Ярославич ими владеет, — говорил проводник Владимиру.

— Долго ещё нам идти? — спрашивал княжич.

— Долго, — отвечал тот.

Забеспокоились бояре, у каждого селения наказывали они приставать к берегу.

Выходили навстречу жители в белых длинных одеждах, светловолосые, у мужиков бороды русые, кудрявые.

А говорили они по-своему — ничего не поймёшь!

— То люди не нашенские, они в этих краях ранее русичей поселились, — объяснял проводник. — А называется их племя — весь.

Впереди стоял старик белобородый, говорил что-то. А проводник, оказалось, их язык знал и перевёл:

— Спрашивают: кто вы такие, куда путь держите?

И бояре отвечали:

— Передай им, что направил нас в эти дальние края князь Всеволод Ярославич, мы ему доложим, сколько и где под его державной рукою людей живёт, и где остались свободные земли, какие переселенцы могут занимать. А вот сын его, княжич Владимир. Он учится, как землями подвластными управлять.

Вышел вперёд Владимир, брови нахмурил, губы сжал и сказал проводнику:

— Передай им: пойдём обратно, пусть нам дань приготовят, шкуры соболя, куньи и бобровые.

Проводник перевёл. Люди быстро-быстро по-своему переговорили между собой, видно, заспорили. Старик белобородый в пояс поклонился, а что сказал, опять не понятно.

Проводник перевёл:

— Он говорит: в лесах наших зверей много, будем шкуры давать, а нам пусть из железа разные кованые изделия привозят.

Владимир вперёд руку протянул и сказал проводнику:

— Передай им, пошлёт мой отец топоры, ножи, иглы, шила, пошлёт наконечники для стрел, чтобы на птицу охотиться, рогатины, чтобы на медведя ходить, пошлёт крючки рыболовные...

Как перевёл проводник слова княжича, так люди заулыбались, ладони начали тереть. А их жёны и дочери принесли в туесах мёд сладкий и ягоду спелую...

Шесть ладей дальше пошли вверх по Москве-реке. И увидели путники высокий холм, поросший сосновым бором, и у его подошвы речка малая в Москву-реку впадала; по берегам той речки много изб одна к одной лепились.

Причалили ладьи к берегу. Вышли местные жители навстречу. Через проводника неторопливо бояре повели беседу со стариками. Молодые гребцы и воины со здешними юношами и девицами жестами пробовали изъясняться, смех зазвенел, хороводы у костров пошли волнами. А ребяташки окружили княжича Владимира и Епифанку, позвали их играть...

И не думал тогда никто, что настанет такое время — и на месте этого селения, где малая речка Неглинка впадала в Москву-реку, поднимется город, прекраснейший и многолюдный, какой назовут Москвою...

Утром пошли ладьи дальше и очень скоро свернули в другую малую речку — Язу, и уже к вечеру добрались до волока. Весь следующий день перетаскивали ладьи по каткам и устроились на ночлег у той узкой речки, что текла на север.

— Вот она, Клязьма-река, — сказал проводник. — Скоро конец нашему пути.

Вниз по течению легче было грести. С каждым новым притоком ширилась Клязьма-река. Правый её берег был низкий, болотистый, а левый поднимался высоко, с малыми селениями кое-где; в иных жили русичи, а в иных люди племени весь, с ними через толмача — переводчика — разговаривали.

Прошло ещё сколько-то дней, и причалили ладьи к высокой горе, овраги крутыми склонами спускались по обе её стороны, а на вершине виднелось селение русичей.

— Наше странствие кончилось, — сказал проводник. — Отсюда идёт прямая конная тропа в стольный град земли Залесской — Суздаль. Сорок вёрст считают.

Для обоих бояр и княжича Владимира раздобыли коней в се-

лении, воины пешими доберутся, а гребцы на месте останутся.

— А вы дальше плывите, — сказал проводник переселенцам, — скоро найдёте, где жить устроиться.

Владимир подошёл к Епифанке, хотел его на прощание обнять, да дядька за рукав потянул.

— Может, ещё когда и свидимся! — крикнул княжич вслед Епифанке, когда тот впрыгивал в ладью.

Мог ли тогда думать юный княжич, что пройдёт сорок два года, и вновь тем же долгим и трудным путём он прибудет к этой горе над Клязьмой-рекой, уже как знаменитый Владимир Мономах — славный и многократный победитель половцев. И повелит он построить здесь город. Окружат его высокие дубовые стены с воротами, с башнями, белокаменный одноглавый храм встанет внутри стен.

И назовут город в честь основателя — Владимиром...

Три ладьи переселенцев отправились дальше, вниз по Клязьме-реке. На третий день к вечеру причалили они к правому берегу под гору. У родника с ключевой водой устроились.

Утром дед проснулся рано, прошёл вдоль воды, на гору поднялся, вернулся и сказал:

— Посмотрел я, какое здесь приволье. С горы тот берег на сорок вёрст виден. Шесть недель мы скитались. Довольно. Тут и поселимся.

Разгрузили ладьи, корову девчонки повели пасти. Дед наметил, где по склону горы будут стоять землянки, где лес корчевать для будущей нивы.

И пошла работа от восхода и до заката солнца. Лишь самые малые дети играли и в Клязьме-реке купались. А взрослые и ребята постарше копали землянки, крепили их стены жердями, крыши ветками настилали, а поверх землю насыпали. Посреди каждой землянки ямку выкапывали — для очага. Придёт зима, на очаге будут пищу готовить. И тепло сбережётся.

— Дым глаза не выест, — сказал дед. — Как-нибудь до весны проживём, а там избы начнём рубить.

Епифанко усердствовал с теми, кто лес корчевал. Сперва вокруг дерева откапывали те корни, какие неглубоко, в разные стороны от ствола расходились, и перерубали их. Но были корни, какие шли вглубь, до тех не всегда удавалось добраться. Епифанко влезал на дерево ловчее белки, у самой вершины привязывал к стволу верёвку и спрыгивал на землю. Мужики дружно, изо всех сил тянули верёвку, раскачивали дерево. Оно кряхтело, стонало, наконец, падало. За день по дюжине сосен, елей и берёз валили. А коли дуб попадался, трудились над каждым стволом долго. Тонкие деревья и кустарник выкорчёвывали мальчишки, а девчонки им помогали.

Землянки построили скоро, а лесу требовалось корчевать много, вот-вот нагрянут холода, и потому трудились без отдыха.

А дед теми днями ладил к железному сошнику деревянную соху да вязал липовым лыком кленовые зубья к бороне. Когда он кончил, то пришёл на место будущего поля и сказал:

— Потрудились вы на славу. Пока нам этого поля хватит.

Он привязал два конца верёвки к сохе, шесть молодцов встали по два в ряд, дед взялся за ручки сохи.

Поднатужились молодцы. И потянули, потянули... И пошла, пошла соха целину пахать. А Епифанко из-под сохи камни и

корни отбрасывал. День пахали, другой, третий. Всё поле распа-
хали!

— К весне коня добудем, — сказал дед.

Он притащил мешок ржи, что с родной земли Любечской, насыпал в лыковое лукошко золотистые зёрна, перекинул ремешок через плечо и зашагал по полю. Он сеял рожь-кормилицу; ровно сыпались зёрна между его пальцами.

А когда всё поле было засеяно, впряглись в борону шесть молодцов. Они таскали её по полю туда и обратно; комки земли зубьями бороны разбивались, зёрна присыпались землицей.

Осень стояла тёплая, дожди кое-когда перепадали. И вскоре

зазеленело поле частыми тоненькими ростками. То всходила озимая рожь.

И все радовались — вырастет у них свой хлеб в будущем году.

Епифанко и другие мальчишки бегали на Клязьму-реку рыбу ловить, а то шли в лес ставить силки на тетеревов и рябчиков. Девчонки пасли корову и ходили за грибами и за ягодами, но в лесную чащу не заглядывали — медведей и волков боялись. Мужики охотились на соболей и бобров, искали в лесу, где в дуплах старых деревьев пчёлы жили, доставали мёд. Мамка Епифанкина доила корову, молоко давала самым малым детям. А дед на углу челноке либо пешком разведывал всю округу. Хотелось

ему узнать, кто ранее их недалеко поселился, какие реки в Клязьму-реку впадают, где луга для сенокоса и где озёра для рыбной ловли.

Он познакомился с жителями ближнего селения племени весь. И он и их старики друг друга по плечам хлопали, улыбались, а разговор не получался. Деду удалось променять два рыболовных крючка на изукрашенную узорами глиняную посуду...

Случалось, мимо землянок новосёлов проплывали ладьи других переселенцев, иные причаливали, спрашивали у деда совета — где они могут остановиться. И дед объяснял, у каких берегов лучше найти пристанище...

Для постройки изб надо было заготовить лес. Рубили не-вдалеке сосны да ели, от сучьев и от коры стволы очищали, при-таскивали на себе в селение.

Тёмными вечерами собирались парни и девицы в самую про-сторную землянку и при свете лучины песни пели.

Поднялись на горе два ряда бревенчатых изб с малыми окош-ками, с каменными очагами вместо печей.

— Как назвать нам наше новое селенье? — спросил однажды Епифанко деда.

— Назовём его в память того города, откуда мы родом, — ответил дед.

...До сих пор стоит на Клязьме-реке старинное село Любец. Основано оно более девятисот лет назад переселенцами с бере-гов Днепра, с земли Любечской.

Для младшего школьного возраста

Сергей Михайлович Голицын

ЛАДЬИ ПЛЫВУТ НА СЕВЕР

Рассказ

Художник В. Перцов

Редактор Е. Рыжова
Художественный редактор Д. Пчёлкина
Технический редактор М. Матюшина
Корректор Н. Пьянкова

ИБ № 1745

Сдано в набор 18.10.84. Подписано в печать 03.06.85.

60×90¹/₈. Бум. офс. № 1. Гарнитура банкин.

Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,5.

Уч.-изд. л. 3,91. Тираж 150 000 экз.

Изд. № 1391. Заказ № 40. Цена 30 коп.

Издательство «Малыш»

101463, Москва, Бутырский вал, 68.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополи-
графпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект
50-летия Октября, 46.

Г 4803010102—036 34—85
М102(03)—85

© Издательство «Малыш» 1985

Scan: Ershov V. G., 2007